

ЛИКВИДАЦИЯ ИНГУШСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Б. М. Ужахов

DISESTABLISHMENT OF THE INGUSH AUTONOMY

B. M. Uzhakhov

В статье рассматриваются процессы, связанные с поэтапной ликвидацией ингушской государственности советской властью в лице товарища Сталина. Приводятся доводы и факты, подтверждающие необоснованность принятых в то время решений советской власти. Тема ликвидации ингушской государственности затрагивалась в работах многих учёных Ингушетии, однако они затрагивают в большинстве своём отдельные этапы лишения ингушей государственности. Автор попытался на основе анализа и обобщения опубликованных литературных источников дать общую картину поэтапной ликвидации ингушской государственности.

The paper discusses the processes related to the phased disestablishment of the Ingush autonomy by the Soviet authorities represented by Comrade Stalin. The author provides the arguments and facts confirming the illegality of the Soviet authorities' decision to eliminate the Ingush autonomy. The topic was addressed in the works of many researchers in Ingushetia, but they discuss mostly the individual stages of depriving the Ingush of their statehood. Basing on the analysis and synthesis of the published literature sources, the author attempts to provide an overall picture of the phased disestablishment of the Ingush autonomy.

Ключевые слова: Ингушская АО, государственность, Владикавказ, Идрис Зязиков, Чечено-Ингушская АССР, депортация, ликвидация.

Keywords: Ingush autonomous oblast, statehood, Vladikavkaz, Idris Zyazikov, Chechen-Ingush ASSR, deportation, disestablishment.

В 1924 г., после упорной борьбы в Гражданской войне, ингуши получили свою автономию. Административным, экономическим и культурным центром Ингушской АО был город Владикавказ, являвшийся одновременно и центром Северо-Осетинской АО.

За небольшой период своего существования Ингушская АО достигла больших успехов в социально-экономическом и культурном развитии, что доказывало необходимость собственной автономии для нормального развития ингушского народа. Так, уже в первой половине 20-х гг. была значительно снижена острота земельной проблемы за счет возвращения Ингушетии части ее бывших исторических земель. В результате значительная часть ингушского населения получила, наконец, возможность выселиться из гор на равнину. Этот естественный процесс, долгие десятилетия искусственно тормозившийся царской администрацией, теперь развивался особенно бурно. Уже к 1926 г. численность жителей горной полосы по сравнению с 1908 г. сократилась почти в 7 раз и плотность составила всего 1,7 чел. на 1 кв. км. [15, с. 62]. К концу 1922 г. площадь землепользования Ингушетии возросла на 108 тыс. десятин по сравнению с довоенной и составила к 1923 г. 198740 десятин. Рост валовой продукции сельского хозяйства в 1933 г. составил 1026805 центнеров, или 194 % от уровня 1913 г. К концу восстановительного периода в Ингушетии было создано 32 производственных объединения, 3 ТОЗа, 4 машинных товарищества, 1 сельхозартель, 1 пчеловодческое и 23 кредитных товарищества [11, с. 73]. 1 октября 1929 г. в Ингушетии образовано 58 колхозов, включавших 1224 двора [5, с. 44].

Постепенно создавались и условия для становления промышленности. К 1928 г. число предприятий выросло до 19, большинство из них находилось во

Владикавказе. В этот период появляется и нефтяная промышленность Ингушетии. В 1933 г. начинается добыча нефти в Малгобеке. Буровики Малгобека в эти годы неоднократно устанавливали всесоюзные рекорды [13, с. 171].

Быстрыми темпами в 20-е гг. развивалось образование. Было построено большое количество школ, следовательно, увеличивалось число грамотных людей. Появились первые средние образовательные учреждения (Ингушский педтехникум). Развивалась наука, в 1926 г. был открыт Ингушский научно-исследовательский институт [9, с. 372 – 373].

Всё вышесказанное показывало преимущества собственной автономии, но в динамичное социальное, экономическое и культурное развитие Ингушской автономной области самым серьезным образом вновь вмешивается общественно-политическая составляющая. С середины 30-х гг. Ингушетия начинает переживать новую драматическую страницу своей истории, связанную с завершением формирования в стране механизмов жесткого тоталитарного подавления, в том числе и прав народов, и бесконтрольной произвольной перекройки национально-территориального и административного устройства субъектов советской федерации. Еще в октябре 1928 г. была предпринята попытка полностью передать Владикавказ в состав Северной Осетии, сделав его административным центром исключительно Северо-Осетинской АО. Было даже принято соответствующее решение Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б). Однако в тот же день ингушские руководители (в частности секретарь Ингушского обкома И. Зязиков и председатель Ингушского ОблЦИКа А. Горчханов) выступили с резким осуждением этого решения и выдвинули встречное предложение о передаче Владикавказа Ин-

гушской АО. 16 октября 1928 г. бюро Ингушского обкома поручило председателю Ингушского облисполкома вынести данный вопрос на рассмотрение ЦК ВКП(б), а также направить телеграмму Сталину с просьбой об отмене решения. Хотя на руководство Ингушетии оказывалось серьезное давление, инспирируемое, по некоторым данным, лично Сталиным, все же принципиальная и последовательная позиция, занятая руководителями области, возымела действие. ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР отменили решение краевого комитета «во избежание недовольства и трений между осетинским и ингушским народами» [17, с. 27]. 17 декабря 1928 г. состоялось заседание Центрального оргбюро ЦК партии, на котором было принято постановление: «1). Вопрос о Владикавказе с повестки снять. 2). Поручить Северо-Кавказскому крайкому и крайисполкому разработать вопрос о слиянии Чеченской области и Ингушетии» [16, л. 62].

Таким образом, силы, заинтересованные в отторжении лучших территорий от Ингушетии, не собирались успокаиваться. Для того чтобы передать Владикавказ Осетии, было решено объединить Ингушетию с Чечней, а для этого необходимо было избавиться от патристически настроенных руководителей Ингушской АО.

В центре и в Северо-Кавказском крае развернулась кампания по дискредитации руководства и народа Ингушетии – руководителям Ингушетии пытались приклеить ярлыки «буржуазных националистов» и «контрреволюционеров». Хотя факты свидетельствовали об обратном – в этот период шел рост численности национальных кадров правоохранительных органов. Среди отличившихся работников правоохранительных органов следует назвать А. Наурбиева, А. Дахкильгова, О. Ахриева, М. Альтемирова, И. и Э. Гандаровых, А. Костоева, Д. Мурзабекова, М. Экажева и др. [10, с. 148].

В ноябре 1928 г. принимается резолюция Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), в которой Владикавказская и Ингушская парторганизации объявлялись «центрами троцкистской работы на Северном Кавказе». В 1929 г. И. Зязиков был отстранен от должности секретаря Ингушского обкома партии под благовидным предлогом отправки на учебу на курсы марксизма в Москву. Почти одновременно его освобождают от обязанностей члена президиума Ингушского облисполкома.

Вместо И. Б. Зязикова секретарем Ингушского обкома становится И. М. Черноглаз. Он сразу начал проведение курса, отличавшегося крайней негибкостью и догматизмом, отсутствием понимания местных реалий, пренебрежительным отношением к истории, традициям, религии горцев. Главной своей задачей И. Черноглаз видел чистку Ингушетии от «контрреволюционных элементов» и своеобразно понимаемое «социалистическое строительство». В ряду мероприятий подобного рода особенно шокирующим для местного, глубоко религиозного ингушского населения стала кампания по борьбе с «реакционным духовенством», инициированная и рьяно проводимая новым секретарем обкома, несмотря на протесты многих

видных местных деятелей, в том числе и партийных [1, с. 27]. Закономерным результатом этой политики стала конфронтация между Черноглазом и практически всеми слоями ингушского общества и, как логический финал такой конфронтации, покушение на секретаря обкома и его убийство близ селения Галашки в 1930 г. [1, с. 31].

По обвинению в организации убийства Черноглаза был бездоказательно арестован и предан суду И. Зязиков, вообще отсутствовавший в это время в Ингушетии и находившийся в Москве. И. Зязиков был приговорен к смертной казни, но после многочисленных ходатайств общественных организаций, различных государственных деятелей, в том числе хорошо знавших его еще со времен гражданской войны Г. К. Орджоникидзе и А. И. Микояна, расстрел был заменен на десять лет лишения свободы. В октябре 1937 г., в разгар самой кровавой кампании сталинских репрессий, И. Зязикова вторично арестовывают в Туле и переправляют в тюрьму г. Грозного, где спустя несколько месяцев, подвергшись изощренным пыткам и истязаниям, он умирает [17, с. 39].

Всё это было началом ликвидации ингушской автономии, которую ингуши пострадали в борьбе за советскую власть, которая теперь повернулась к ним спиной. Ещё в 1918 г. Орджоникидзе, выступая на V съезде народов Терской Республики, говорил: «Я помню тот момент, перед концом IV съезда, когда мы висели на волоске... И в этот момент одиночества Советской власти маленький ингушский народ весь встал на защиту Советской власти» [12, с. 78]. А враг ингушей Деникин писал в «Очерках русской смуты»: «Ингуши наименьший по численности и наиболее спаянный и сильный в военной организации народ оказался, по существу, вершителем судеб Северного Кавказа. Ингуши стали ландскнехтами (наёмниками) советской власти, её опорой...» [4, с. 175]. Получилась парадоксальная ситуация – народ, больше всех сделавший для установления советской власти на Северном Кавказе, больше всех «получил» от этой власти после её установления.

Уже в июне 1933 г. от Ингушетии были отторгнуты в пользу Северной Осетии некоторые приграничные территории, в частности – в окрестностях Орджоникидзе (бывший Владикавказ; переименован по инициативе ингушского руководства в 1931 г.). В июле 1933 г. Орджоникидзе был передан Осетии. В январе 1934 г. Ингушетия и Чечня объединяются в один территориальный субъект – Чечено-Ингушскую автономную область, которая затем, в декабре 1936 г., по новой «сталинской» конституции СССР стала Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической республикой в составе РСФСР со столицей в Грозном [9, с. 352].

Таким образом, Ингушетия лишилась своего исторического и культурного центра – Владикавказа (Орджоникидзе). Помимо прочего, данный факт означал потерю практически всей промышленности, всей культурно-образовательной базы, складывавшейся десятилетиями как плод кропотливой деятельности не одного поколения ингушской интеллигенции. Даль-

нейшему поступательному развитию самостоятельной ингушской государственности был нанесен жесточайший удар. На долгие десятилетия Ингушетии была отведена роль экстенсивно развивающегося, практически сугубо аграрного и сырьевого региона, лишённого современного промышленного потенциала и базы для его развития, своего культурно-исторического очага Владикавказа, своей системы современного профессионального и особенно высшего образования.

В своё время Горская АССР была расчленена на отдельные автономии для их более благоприятного развития. И то решение себя оправдало. Встаёт вопрос, зачем надо было делить ГАСР, чтобы опять объединять некоторые её части (например: Чеченскую, Ингушскую АО и Сунженский округ). Кроме того, ингуши с царских времён в административном отношении никогда не были в одном округе с Чечнёй, а вот с Осетией, городом Владикавказом и казаками Сунженского округа – очень часто. В 1924 г. в составе ГАСР оставались лишь Северная Осетия, Ингушетия и Сунженский округ со столицей в г. Владикавказ [18, с. 213]. Так зачем же надо было её делить, чтобы потом начались споры из-за Владикавказа. Кроме того, ингуши никогда не претендовали на весь город а только на его правобережную (восточную) часть. Фактически город, поделённый рекой Терек на две части – это было два города. Никакой острой необходимости забирать его у ингушей и отдавать осетинам не было, кроме как предвзятое отношение власти к первым и благосклонность ко вторым.

Объединение Чечни и Ингушетии стало сильным ударом по неокрепшей, становящейся на ноги ингушской государственности. По большому счету, данная трансформация административно-политического статуса двух областей в виде их слияния не была выгодна никому, кроме сталинской бюрократии и самого «вождя народов», который уже строил конструкции будущей системы максимально эффективного контроля над территориями национальных окраин СССР. А для этого как нельзя лучше подходили лозунги типа древнеримского «Divide et impera» («Разделяй и властвуй»). Может возникнуть вопрос – о каком же разделении идет речь, если области, напротив, объединялись? Разве это не должно было служить делу подлинного объединения? Именно так реагировала на такие доводы и сталинская пропаганда, выдававшая манипуляции судьбами народов без их согласия и за их спиной, за их же вековую мечту, именуя свой административный произвол «торжеством пролетарского интернационализма и дружбы народов». На деле же преобразования административного статуса, которые превращали две автономные, а значит находящиеся в более или менее равноправном положении по отношению к союзному центру области в составные элементы, пусть и большей по размерам и территории, автономии, оборачивались поруганием прав и тех, и других. Если в отдельной автономии общественное мнение, пусть и слабо развитое в советской действительности, но никогда не сходявшее «на нет» и сохранявшееся хотя бы в виде расхожих мнений в среде обывателей, могло за недостатки и упущения в

работе предъявлять претензии прежде всего к властям «своей» национальной автономии, то в «общем доме» можно было легко перевести вектор недовольства на «братьев и соседей по общежитию», преимущественному удовлетворению запросов которых (от территориального вопроса до обеспечения промтоварами), якобы, оказывается предпочтение Москвой. В результате сложилась такая широко распространенная в советской действительности практика формирования общественного мнения в национальных частях двуединых автономий, когда одна из областей непременно винила другую в привилегированном положении и ущемлении своих интересов, а руководство всей республики – в том, что оно «работает» только на одну из составляющих. Именно так складывались мифы, часть из которых живет и поныне, о том, что в той же Чечено-Ингушетии обустроивалась только Ингушетия в ущерб Чечне или наоборот (в зависимости от того, в какой части бывшей автономии родился тот или иной миф). Хотя на самом деле оба народа пострадали от такого объединения, а выиграла, как уже указывалось, одна номенклатура.

Ингушские национальные лидеры того времени должны были проявлять максимальную сдержанность и пытаться изменить ситуацию путем преимущественно не публичных, а кулуарных действий, которые к тому времени, после установления жесткой тоталитарной диктатуры Сталина, стали основным средством осуществления политической деятельности в СССР. Организация общенационального протеста и соответствующих акций проявления этого протеста в условиях, по сути, окончательно сложившегося к тому времени в стране жесткого варианта тоталитарной диктатуры, могла привести только к карательным действиям властей, связанным с ними многочисленным жертвам и разрушением всего того, что было построено за короткий период существования ингушской советской государственности. Однако все попытки ингушских общественных и государственных деятелей (в частности, И. Зязикова) воспротивиться реализации этих совершенно не отвечающих национальным интересам ингушского народа шагам советских центральных властей не увенчались успехом, приведя лишь к усилению репрессий против патристической настроенной части ингушской элиты и гибели в сталинских застенках многих видных ее представителей, чтобы не допустить антиправительственных выступлений и «в назидание другим».

В ходе репрессий пострадали 30 из 76 членов и кандидатов в члены Чечено-Ингушского обкома ВКП(б), в их числе все ингуши и чеченцы по национальности. В 1937 г. в ЧИАССР были репрессированы 20 из 28 секретарей райкомов партии, 17 партторгов, 77 членов райисполкомов, 192 работника сельских организаций (учреждений), не считая рядовых труженников [6, с. 28].

Накануне Великой Отечественной войны в результате сталинских манипуляций с территориальным и административно-политическим перекраиванием карты Северного Кавказа на территории ингушских районов ЧИАССР самым крупным промышленным

предприятием был трест «Малгобекнефть» (созданный в 1933 – 1934 гг.) – молодой и бурно развивающийся центр нефтедобычи и нефтепереработки, входивший в состав объединения «Грознефть». В преимущественно аграрных Назрановском, Пригородном, Сунженском, Галашкинском и Ачалукинском районах республики работали крупзавод, мельницы, консервные заводы, предприятия пищевой промышленности, многочисленные колхозы и совхозы. Среди передовиков сельского хозяйства было много стахановцев, среди них Н. Муталиев, Т. Чахкиев и др. [7, с. 32].

Ещё 22 июня 1937 г. Чрезвычайный III съезд Советов ЧИАССР утверждает Конституцию ЧИАССР. 65-я статья этой конституции гласила: «Территория Чечено-Ингушской АССР не может быть изменена без её согласия». А статья 123-я «сталинской» конституции 1936 г. гласила: «Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом» [2, с. 246]. Но дальнейшие события показали, что всё это лишь чернила на бумаге.

В 1941 г. началась Великая Отечественная война, принеся огромные беды всем народам нашей страны. Ингушский народ наравне с другими народами внёс свой вклад в победу. В книге В. И. Филькина «Чечено-Ингушская партийная организация в годы ВОВ» подробно описывается вклад жителей ЧИАССР в борьбу советского народа против немецких захватчиков. Так, например, В. И. Филькин пишет: «По неполным данным, в период войны (не считая призванных до начала войны) было призвано и мобилизовано в Действующую Армию более 18500 лучших сынов

чечено-ингушского народа. Многие из них удостоены высоких наград Советского правительства». Там же он пишет: «На 14 июля 1941 года более 17000 трудящихся записались в народное ополчение» [14, с. 43, 44]. Кроме этого, тысячи ингушей и чеченцев трудились на возведении оборонительных сооружений республики. Тысячи тонн продовольствия, горючих материалов и многое другое отправлялось на фронт. Что ещё должны были сделать маленькие ингушский и чеченский народы, чтобы доказать свою преданность советской власти? Всё это не спасло ингушей и чеченцев от очередной трагедии.

23 февраля 1944 г. около 500 тысяч чеченцев и ингушей были депортированы в Казахстан и Киргизию. Целые народы (калмыки, балкарцы, крымские татары, турки и др.) были объявлены изменниками родины. При этом более 200 тысяч (точнее 209545) [3, л. 17] сынов этих «изменников», рисквавших своими жизнями, воюя в рядах Красной Армии против врага, были депортированы прямо из своих частей. Со времён Великого переселения народов человечество не знало такого массового переселения целых народов.

7 марта 1944 г. вышел указ Верховного Совета СССР о ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве её территории [8, с. 99]. По этому указу ЧИАССР ликвидировалась, а её территория делилась между её соседями и создаваемым Грозненским округом. Почти все ингушские районы оказались в составе Северо-Осетинской АССР. Так ингуши потеряли на долгие 13 лет не только остатки своей государственности, но и свою Родину.

Литература

1. Авторханов А. Убийство чечено-ингушского народа. М., 1991. 62 с.
2. Боков Ф. П. И. Сталин: к национальному вопросу в России (в СССР) (XX век. Чечня. Ингушетия) (Историко-публицистический очерк). Киев, 2001. 392 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р.-9401. Оп. 1. Д. 2704-38.
4. Деникин А. И. «Очерки русской смуты». Октябрь 1918 – январь 1919 гг. Минск. 2002. 560 с.
5. Зоев С. О. Промышленность Чечено-Ингушской АССР за 50 лет. Грозный, 1972. 172 с.
6. Ибрагимов М. М. Репрессивная политика в Чечено-Ингушетии в 1930-е гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. № 4. С. 27 – 32.
7. Ингушетия в Великой Отечественной войне / сост. Т. У. Яндиева. Кн. 1. Ростов н/Д., 2005. 276 с.
8. Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация. 1944 -2004. Документы, материалы, комментарии / сост. Я. С. Патиев. Магас, 2004. 608 с.
9. История Ингушетии. ИНИИГН им. Ч. Ахриева. Магас, 2011. 486 с.
10. Курьлев И. В. Боевой путь милиции Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976. 211 с.
11. Овчинникова М. И. К истории уравнительного распределения земли в Чечено-Ингушетии // Известия, статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1965. Т. 6. С. 72 – 75.
12. Орджоникидзе С. Статьи и речи. М., 1956. 516 с.
13. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. Грозный, 1972. 359 с.
14. Филькин В. И. Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Грозный, 1960. 147 с.
15. Христианович В. П. Горная Ингушетия. Ростов н/Д., 1928. 313 с.
16. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) Ф. 7. Оп. 1. Д. 710.
17. Чахкиев С. Идрис Зязиков: верой и правдой. Грозный, 1991. 67 с.
18. Яндиева М. Ингушетия и ингуши. Т. II. М., 2002. 686 с.

Информация об авторе:

Ужахов Бекхан Магометович – аспирант Ингушского государственного университета, Россия, bechan2014@yandex.ru.

Бекхан М. Uzhakhov – post-graduate student at Ingush State University.

(Научный руководитель: Кодзоев Магомед Асланбекович – кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России Ингушского государственного университета.

Research advisor: Magomed A. Kodzoev – Candidate of History, Professor at the Department of Russian History, Ingush State University).

Статья поступила в редколлегию 17.03.2015 г.